

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА ПО ОТНОШЕНИЮ К НЕСОСТОЯВШИМСЯ ГОСУДАРСТВАМ В 1990-Е ГОДЫ

М. С. Мирошников

DEVELOPMENT OF THE EUROPEAN UNION'S POLICY TOWARDS FAILED STATES IN THE 1990S

M. S. Miroshnikov

Термин «несостоявшееся государство» был предложен научным сообществом ещё в 1993 г., однако в официальных документах Европейского Союза он впервые появляется лишь десять лет спустя в Европейской стратегии безопасности. В данной статье анализируются документы Европейской Комиссии и Европейского Совета, выпущенные в 1990-е гг. для того, чтобы проследить начало формирования политики Европейского Союза по отношению к несостоявшимся государствам. В частности, отмечается, как эта отдельная политика выкристаллизовывалась из общей политики, направленной на помощь развивающимся странам, в особенности странам группы Африки, Карибского бассейна и Тихого океана как традиционным реципиентам помощи со стороны ЕС и как группы стран, среди которых – наиболее значительное количество государств, подходящих под определение «несостоявшихся». Кроме того, отмечается, что значительную роль в формировании политики по отношению к несостоявшимся государствам сыграл фактор безопасности.

The notion of “failed state” was introduced by the scientific society as long ago as in 1993, but it appeared in the official documents of the European Union only ten years after, in the European Security Strategy. This paper analyses the official documents of the European Commission and the European Council issued in the 1990s in order to trace the origins of the development of the EU's policy towards failed states. In particular the author looks at how this policy was crystalized from more general development policy, especially aimed toward ACP countries as the traditional recipients of the EU's aid and also as a group of countries many of which fall under the category of “failed”. It is also noted that security factor was important in the development of the policy toward failed states.

Ключевые слова: несостоявшиеся государства, Европейский Союз, политика развития.

Keywords: failed states, European Union, development policy.

Впервые термин «несостоявшееся государство» (failed state) был употреблён в 1993 г. Хелманом и Ратнером [7]. В статье, опубликованной в журнале *Foreign Policy*, они отмечали появление нового и опасного феномена – стран, которые не в состоянии справиться с управлением своей территорией и скатываются в пучину беспорядка и хаоса. При этом Хелман и Ратнер не дали определения тому, что, по их мнению, является несостоявшимся государством, ограничившись фразой, что подобные страны «не в состоянии поддерживать себя в качестве члена международного сообщества» [7, с. 3]. Обычно под этим термином подразумевают страны, которые не в состоянии более контролировать свою территорию, выполнять свои базовые функции и которые вовлечены в гражданский конфликт в рамках своих границ. Классическим примером такого государства является Сомали – страна, в которой с 1988 г. и по сей день фактически идет гражданская война. Ситуация в Сомали характеризуется тем, что официально признанное правительство не способно контролировать всю территорию страны (а по некоторым данным даже территорию столицы), в границах Сомали существуют автономные государственные образования (Сомалиленд, Пунтленд), а местное население не получает практически никаких услуг от государства. В публикуемом ежегодно индексе несостоявшихся государств (совместный проект журнала *Foreign Policy* и некоммерческой организации Fund for Peace) вторую строчку после Сомали уже много лет занимает Демократическая Республика Конго (ДРК) [15]. Это государство, в котором со времени свержения президента Мобуту Сесе Секо в 1997 г. гражданская война стала фактиче-

ски образом жизни, а многие аналитики называют ДРК «худшим местом на Земле» из-за чрезвычайно высокого уровня насилия [8]. Среди других примеров несостоявшихся государств, на которые обычно ссылаются, можно выделить Судан, Южный Судан, Чад, Афганистан, Гаити, ЦАР, Зимбабве и др. В каждой из этих стран существует своя специфика и свои причины для «несостоятельности», но объединяет их одно – не способное ни контролировать территорию, ни выполнять свои функции по отношению к гражданам правительство и наличие внутреннего конфликта (в той или иной мере). Многие из этих стран пришли к состоянию «несостоятельности» на протяжении 1990-х гг. Однако в официальных документах Европейского Союза термин «несостоявшееся государство» появляется только в начале XXI в. в связи с принятием Европейской стратегии безопасности в 2003 г. Практически 10 лет потребовалось для того, чтобы понятие «несостоявшееся государство» перешло из чисто академической в практическую сферу.

На протяжении 1990-х гг. решение проблем несостоявшихся государств являлось в основном частью общей политики, направленной на помощь развивающимся странам – поэтому имеет смысл обрисовать общие подходы, которыми руководствовались западные доноры (и в частности ЕС), формулируя свои соответственные политики помощи развивающимся странам.

На протяжении 1980-х и начала 1990-х гг. доминирующей теоретической парадигмой в вопросах экономического развития являлся нео-либерализм. Ярким свидетельством тому было принятие «Вашингтонского консенсуса», который определял политику западных стран и международных организаций по отношению к

развивающимся странам в это десятилетие. Этот подход, сформулированный английским экономистом Джоном Уильямсоном, предполагался в первую очередь в качестве реакции на экономический кризис в странах Латинской Америки в 1980-х и отход этих стран от командной модели экономического развития [18]. Принципы, предлагаемые Вашингтонским консенсусом, включали в себя: экономическую либерализацию, приватизацию, дерегуляцию, фискальную дисциплину и налоговую реформу. Принятие этих мер являлось предварительным условием для получения финансовой помощи от Всемирного Банка и Международного Валютного Фонда (МВФ). Этих же принципов в своей политике по отношению к развивающимся странам придерживались и США, и Европейский Союз.

В течение 1990-х гг. политика, основанная на Вашингтонском Консенсусе, начала подвергаться критике за свою односторонность и отсутствие внимания институтам. Ключевым моментом стал кризис, разразившийся в странах Азии в 1997 – 1998 гг., который послужил началом перехода к так называемому «пост-Вашингтонскому Консенсусу» [11, с. 381]. Одним из его «архитекторов» являлся американский экономист Джозеф Стиглиц, являвшийся в то время шеф-экономистом Всемирного Банка. Согласно его позиции политика западных стран и международных организаций в отношении развивающихся стран должна быть направлена не на поддержку рыночных экономических реформ, а на создание институтов, регулирующих рынок (например, развитие соответствующей законодательной базы). Таким образом, государства должны быть способны исправлять недостатки чистой рыночной экономики [14, с. 15 – 26]. Своим появлением пост-Вашингтонский Консенсус обязан также и другому американскому экономисту – Дугласу Норту, который развивал идеи о значимости социальных, политических и экономических институтов для экономического развития. Он выступал с критикой неолыберальных постулатов о том, что в рыночных условиях транзакции могут совершаться без издержек. Согласно Норт в реальном мире практически любая транзакция несёт в себе издержки, которые могут быть уменьшены с помощью институтов [12, с. 12]. Кроме того, по его мнению, необходимым условием для успешного функционирования рынков является наличие таких институтов, как главенство закона, право собственности и политические свободы [12, с. 25].

Ещё одним поводом для критики политики Вашингтонского консенсуса послужил тот факт, что за годы её имплементации уровень бедности в развивающихся странах, а также разница между богатыми и беднейшими странами планеты не только не сократилась (как ожидали сторонники нео-либерализма), но и выросла [17]. Таким образом, была поставлена под сомнение эффективность проводимой политики не только с академической, но и с практической стороны. Проблема борьбы с бедностью тем временем ожидаемо вышла на первый план. Ярким примером тому является Декларация тысячелетия Организации Объединённых Наций, принятая 8 сентября 2000 г. и Монтеррейский консенсус, принятый 22 марта 2002 г. на конференции ООН в Монтеррее, Мексика. Оба эти документа, принятых международным сообществом, не только говорят о необходимости

искоренения бедности, но и ставят конкретные цели (в особенности это касается Декларации тысячелетия). Среди целей, представленных декларацией – борьба с нищетой, продвижение образования, здравоохранения, забота об окружающей среде и т. д.

Кроме того, пересмотру подверглись и принципы помощи развивающимся странам. В 1996 г. Комитет по содействию развитию Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), членами которого являются развитые страны-доноры, выпустил доклад, названный «Формируя XXI век: вклад в сотрудничество для развития» (Shaping the 21st Century: The Contribution of Development Co-operation) [1]. Этот доклад сформулировал некоторые из целей, которые позднее вошли в Декларацию тысячелетия. Но кроме этого, в этом документе впервые были сформулированы принципы, лёгшие в основу дальнейшей политики развития многих стран-доноров, а также ставшие основной частью Парижской декларации об эффективности помощи, принятой ОЭСР в 2005 г. Это принципы принадлежности (ownership), согласования (alignment) и гармонизации (harmonization).

Принцип принадлежности вырос из понимания странами-донорами того факта, что обещания стран-реципиентов проводить определённые реформы в обмен на экономическую помощь редко реализуются в должной мере [9, с. 6]. Соответственно, необходимо было создать иные стимулы для того, чтобы правительства стран, получающих помощь, проводили необходимые реформы. Таким стимулом по замыслу Комитета по содействию развитию ОЭСР и должен был стать принцип принадлежности, подразумевающий, что правительства стран-реципиентов должны будут разрабатывать свои стратегии и программы развития, под которые и будут выделяться деньги. Таким образом, предполагалось, что программы, которые выработаны самими государствами, будут им «ближе», и соответственно у правительств будет больше стимулов следовать им [9, с. 6].

Принцип согласования является своеобразной «обратной стороной» принципа приверженности. Он основан на том, что страны-доноры обязуются в своих стратегиях по отношению к странам-реципиентам учитывать те стратегии развития, которые эти страны выработали согласно принципу приверженности.

Принцип гармонизации призван был обеспечить координацию между многочисленными донорами (странами и организациями). Идея заключается в том, что вследствие наличия большого количества доноров страны-реципиенты вынуждены сталкиваться со значительными административными и бюрократическими проблемами для получения помощи, так как у каждого донора есть свой набор требований, процедур и т. д. Координированный подход со стороны доноров позволит уменьшить административно-бюрократическую нагрузку на страны-реципиенты и сделает возможным более быстрое и эффективное размещение средств для помощи этим государствам.

Доклад «Формируя XXI век: вклад в сотрудничество для развития» содержал ещё один принцип, предложенный Комитетом по содействию развитию – принцип согласованности политики (policy coherence) [1]. Основой данного принципа было понимание того, что политика развития и донорская помощь – это да-

леко не единственные сферы взаимодействия развитых и развивающихся стран. Зачастую различные политики и практики в иных сферах имеют прямое (негативное) влияние на политику развития (например, ограничение доступа к определённым рынкам, торговая политика и т. д.), нивелируя позитивный эффект от донорской помощи. В связи с этим Комитет по содействию развития предложил анализировать политики стран в иных сферах, которые могут оказывать влияние на политику развития, оценивать их эффект и прикладывать усилия по координации действий.

Уил Хаут указывает, что применение вышеозначенных принципов на практике привело к изменению самого характера предоставления помощи развивающимся странам. Вместо проектно-ориентированной помощи, доноры теперь ориентировались на оказание содействия программам развития целых секторов экономик стран, что предположительно имело гораздо более позитивный эффект [9, с. 7].

Статья 177 Маастрихтского договора гласит, что у Европейского Союза должна быть своя политика содействия развитию, которая являлась бы дополнением к подобным политикам стран-членов ЕС. Основные цели, которые ставились согласно договору в этой сфере перед Европейским Союзом – это устойчивое экономическое и социальное развитие развивающихся стран; их постепенная интеграция в мировую экономику; борьба с бедностью [16]. Традиционно политика содействия развитию ЕС была направлена в основном на страны, которые являются бывшими колониями стран-членов ЕС – группа стран Африки, Карибского бассейна и Тихого океана (страны АКТ). Взаимоотношения Европейского Союза с этой группой стран развивались с шестидесятых годов и зафиксированы рядом соглашений. Именно на помощь этим странам направляется большая часть бюджета Европейского Фонда Развития, который формируется из взносов государств-членов ЕС [9, с. 8]. И именно среди этой группы стран находится наибольшее количество несостоявшихся и хрупких государств. Однако после окончания холодной войны распада советского блока внимание Европейского Союза было переориентировано на страны восточной Европы. Так, в 1974 г. 13 из 15 основных получателей помощи от ЕС были страны из группы АКТ, к 1997 г. их количество сократилось до двух, а 13 оставшихся мест заняли страны бывшего советского блока [13, с. 62]. К необходимости изменений в отношениях между ЕС и АКТ подталкивал и тот факт, что, несмотря на огромные объёмы средств, выделяемых на развитие этой группы стран в рамках Ломейских конвенций с 1975 г., основная их масса не показывала позитивной динамики в развитии экономики и была в основном зависима от поступления помощи от доноров. Кроме того, отношения между ЕС и АКТ не соответствовали требованиям, выдвигаемым ВТО в отношении принципа не-взаимности. Таким образом, уже к середине 1990-х гг. Европейский Союз в лице Европейской Комиссии начал подготовку нового соглашения, которое стало бы основой отношений между ЕС и АКТ.

В 1996 г. Комиссией была опубликована Зелёная книга, посвящённая отношениям между Европейским Союзом и странами АКТ накануне наступления XXI в. В документе говорилось о необходимости изменения

отношений, сложившихся между ЕС и странами АКТ в рамках Ломейских конвенций. Центральной темой Зелёной книги стала идея о необходимости поддержки региональных интеграционных процессов между странами АКТ. Согласно документу, именно эта идея должна была лечь в основу нового соглашения, которое придёт на смену Ломейским конвенциям [4, с. viii]. Комиссия также высказывает идею о том, что борьба с нищетой как одна из главных целей взаимодействия между ЕС и странами АКТ тесно связана с вопросами безопасности, хорошего управления и экономического развития [4, с. iii]. Придерживаясь принципа принадлежности, Комиссия предполагает, что обязательства проведения институциональных реформ со стороны стран АКТ должны стать основой партнёрских отношений. Документ прямо указывает, что проведение не только реформ, но и рациональной политики в области экономического развития – прямая обязанность государств – получателей помощи [4, с. vii]. Со своей стороны, Комиссия призывает к объединению различных внешнеполитических инструментов, имеющихся в наличии у ЕС для более успешной борьбы с угрозами, помощи развивающимся странам и продвижения европейских ценностей, что идёт в полном соответствии с принципом согласования [4, с. vi – vii].

Увеличение числа конфликтов на Африканском континенте, а также понимание того факта, что они могут оказывать непосредственное влияние на безопасность стран Европы, побудило руководителей ЕС к выработке мер по предотвращению и управлению конфликтами в Африке к дополнению к существующим мерам поддержки развивающихся стран.

С начала 1990-х гг. европейцы оказывали поддержку гуманитарным миссиям ООН и различных международных организаций (Международный Комитет Красного Креста, Всемирная продовольственная программа) по мере необходимости. В частности, представители европейских стран участвовали в миротворческих операциях в Африке. В первой миссии ООН в Сомали (UNOSOM I) в 1992 – 1993 гг. принимал участие контингент из Бельгии. В UNOSOM II (1993 – 1995) принимал персонал из Бельгии, Франции, Германии, Греции, Ирландия, Италия, Нидерландов.

4 декабря 1995 г. Европейский Совет выпускает заключение, озаглавленное «Превентивная дипломатия и поддержание мира в Африке». В нём Совет изложил основные принципы, которым Европейский Союз должен руководствоваться по отношению к конфликтным ситуациям в Африке. Документ предполагает, что основную роль в их решении должен играть Африканский Союз (АС). Европейский же союз готов оказывать поддержку (силами ЗЕС) при необходимости. Предполагается, что помощь ЕС может иметь следующие формы: ранее предупреждение (оказание консультационной, технической поддержки, обмен информацией), превентивная дипломатия (помощь в проведении переговоров), поддержание мира (по запросу АС и во исполнение соответствующих решений ООН) [6]. Таким образом, прослеживается основная линия политики ЕС – конфликты на африканском материке должны решаться в основном силами самих африканцев.

Основываясь на «Заключениях Совета» в 1996 г. Комиссия выпускает Сообщение Европейскому Сою-

ту, в котором говорится о необходимости формирования нового подхода к взаимодействию ЕС и стран африканского континента. В документе отмечается в частности, что тот подход, который сейчас практикуется международным сообществом (а именно предполагающий скорее реагирование, нежели предупреждение), зачастую не только не является эффективным, но может быть и контрпродуктивным, усугубляя конфликтную ситуацию. Комиссия отмечает, что ЕС должен не только реагировать на те конфликты, которые перешли в открытую стадию, но и работать над предупреждением конфликтов. В частности Комиссия указывает, что конечной целью европейской политики в Африке должно быть достижение «структурной стабильности» – такой ситуации, в которой достигнуто устойчивое экономическое развитие, демократия и уважение к правам человека, жизнеспособные политические структуры, здоровые социальные и экологические условия, что позволяет управлять происходящими в обществе переменам без обращения к насилию [2, с. 2]. При этом отмечается, что у Европейского Союза отсутствует выработанное понимание того, как имеющиеся ресурсы могут быть наиболее эффективным образом использованы для решения определенных проблем определенной страны в определенный момент времени. «Сообщение» призывает начать процесс с проведения глубокого политического анализа причин конфликта на региональном уровне и уровне отдельных стран. Таковой анализ позволит более четко определять необходимость вмешательства ЕС в различные ситуации, а также более точно определять сами ситуации. «Сообщение» предлагает следующую классификацию ситуаций, угрожающих миру и стабильности:

- Ситуации без открытой напряженности. Ситуация кажущейся стабильности и спокойствия, но с существующими структурными источниками потенциального конфликта (постоянное подавление меньшинства, использование репрессивных механизмов и т. д.).
- Ситуация напряженности. Ситуация, когда конфликт в обществе вышел в открытую фазу (массовые беспорядки, вооруженная оппозиция и т. д.).
- Открытый конфликт. Вооруженное противостояние.
- Пост-конфликтная ситуация. Ситуация, когда открытое вооруженное противостояние прекратилось, но его последствия еще ощущаются большинством населения.

При этом опять подчеркивается, что основную ответственность за поддержание мира и стабильности на африканском континенте должны нести сами африканцы. Таким образом, ЕС пытается обозначить для себя рамки и границы для вмешательства в урегулирование конфликтных ситуаций за пределами Европы, соотнося различные типы ситуаций со своими возможностями и наличествующими ресурсами. Характерно также признание того факта, что урегулирование конфликта необходимо начинать на ранней стадии, до того, как он перерос в вооруженное противостояние, то есть особое внимание должно быть уделено глубинным причинам конфликта. Так, Европейский Совет в 1997 г. принял решение оказать поддержку Механизму для предотвращения, урегулирования и разрешения конфликтов, созданного в рамках Африканского Союза [5]. Основной целью Механизма

является раннее выявление источников конфликта и соответственное быстрое реагирование.

В апреле 1996 г. Комиссия выпускает Сообщение, посвященное сочетанию помощи, реабилитации и развития. В нем указывается, что в современном мире основная часть чрезвычайных ситуаций вызвана не природными катастрофами, а является «результатом взаимодействия политической, экономической и социальной нестабильности, зачастую проистекающую из плохого управления, неудавшейся экономической политики и неуместных программ развития, которые только способствовали углублению этнических или религиозных различий» [3, с. iii]. Кроме того, в сообщении говорится о возможном региональном значении кризиса в отдельно взятой стране, так как он может выйти за рамки государства и повлиять на стабильность соседствующих стран и региона в целом [3, с. iii]. Но самое главное в том, что Комиссия в документе призывает к проведению стратегической комплексной политики в отношении развивающихся стран, а в особенности стран, в которых присутствует риск политической или экономической нестабильности. Такая политика должна учитывать политические, социальные, технические аспекты стран, а также аспекты, связанные со стадией развития, на которой они находятся [3, с. iv]. Для проведения такой политики, указывается в сообщении, необходима не только координация всех стран и организаций доноров, но и также различных институтов и органов внутри самого ЕС. Достичь этого предполагается путём создания специальных рабочих групп, которые объединяли бы представителей всех задействованных органов ЕС, для выработки общей скоординированной политики [3, с. vi].

Можно отметить, что в 1990-е гг. Европейский Союз не имел чётко выраженной политики по отношению именно к несостоявшимся государствам. Она скорее являлась составляющей общей политики по отношению к развивающимся странам. Характерен тот факт, что термин «несостоявшееся государство» ни разу не встречается в официальных документах ЕС этого периода. При этом на протяжении 1990-х гг. постепенно формируется понимание потенциальных рисков, связанных именно с феноменом несостоявшихся государств, то есть угроз, вызванных политической, экономической и социальной нестабильностью, отсутствием адекватного и рационального управления страной.

Также стоит отметить, что согласно официальным документам Европейского Союза с середины 1990-х намечился отход от чисто технического и формального подхода к вопросам поддержки управления в странах, получающих помощь. Пришло понимание необходимости более глубокого политического анализа ситуации в странах-реципиентах и соответственной выработки более индивидуальных подходов. Об этом свидетельствуют призывы Комиссии к выработке комплексных подходов к странам, получающим помощь, которые учитывали бы различные аспекты их существования. Кроме того, как отмечает Хаут, такой поворот в политике является характерной тенденцией для различных международных агентств, оказывающих помощь развивающимся странам в тот период [10, с. 142].

Несостоявшиеся государства были выделены в отдельную проблему лишь после террористических

атак на посольства США в Кении и в Танзании в 1998 г. и терактов, совершённых 11 сентября 2001 г. в США. Подготовка этих терактов предположительно велась именно на территориях несостоявшихся государств, территориях, которые правительство не было в состоянии контролировать. Таким образом, из локальной и гуманитарной проблема несостоявшихся государств перешла в разряд глобальных проблем безопасности. Кроме опасений, что на неподконтрольных правительствам территориях могут размещать свои базы международные террористические

организации, возникла ещё одна проблема безопасности, связанная с несостоявшимися государствами – проблема пиратства, особенно актуальная для стран Африканского рога и в особенности – Сомали. Кроме того, в конце 1990-х начале 2000-х гг. Европейский Союз стремился стать не только экономической, но и военной державой, имеющей возможность быть независимой в вопросах безопасности от НАТО. Несостоявшиеся государства представляли для Европы своеобразный полигон, на котором она могла бы проявить себя в качестве сильного глобального игрока.

Литература

1. Development Assistance Committee. Shaping the 21st Century: The Contribution of Development Co-operation. 1996. Режим доступа: <http://www.oecd.org/dac/2508761.pdf>
2. European Commission. Communication from the Commission to the Council. The European Union and the issue of conflicts in Africa: Peace-building, conflict prevention and beyond. 1996. Режим доступа: <http://aei.pitt.edu/1209/>
3. European Commission. Communication from the Commission to the Council and the European Parliament on linking relief, rehabilitation and development (LRRD). 1996. Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1425065562364&uri=CELEX:51996DC0153>
4. European Commission. Green Paper on Relations between the European Union and the ACP Countries on the Eve of the 21st Century “Challenges and Options for a New Partnership”. 1996. Режим доступа: <http://aei.pitt.edu/1206/>
5. European Council Decision of 20 October 1997. Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:31997D0699>
6. European Council. Preventive diplomacy and peacekeeping in Africa. 1995. Режим доступа: <http://ec.europa.eu/development/body/theme/prevention/conclusions-1995.htm>
7. Helman G., Ratner S. Saving Failed States // Foreign Policy. 1992 – 1993. № 89. С. 3 – 20.
8. Herbst J., Mills G. The invisible state // Foreign Policy. 2013. Режим доступа: http://www.foreignpolicy.com/articles/2013/06/24/the_invisible_state#sthash.zwCx4e4H.dpbs
9. Hout W. Development Cooperation, Poverty Reduction and the European Union // EU Development policy and poverty reduction: enhancing effectiveness. Aldershot: Ashgate Publishing Limited, 2007. С. 1 – 17.
10. Hout W. Between Development and Security: the European Union, governance and fragile states // Third World Quarterly. 2010. Vol. 31. № 1. С. 141 – 157.
11. Jayasuria K., Rosser A. Economic orthodoxy and the East Asian crisis // Third World Quarterly. 2001. Vol. 22. № 3. С. 381 – 396.
12. North Douglass. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 152 с.
13. Smith K. The ACP in the European Union's Network of Regional Relationships: Still Unique or Just One in the Crowd? // Arts K., Dickson A. (eds.) EU Development Cooperation. Manchester: Manchester University Press, 2004. С. 60 – 80.
14. Stiglitz J. More Instruments and Broader Goals: Moving Toward the Post-Washington Consensus. 1998. Режим доступа: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.201.2709&rep=rep1&type=pdf>
15. The Failed States Index 2013. Режим доступа: <http://ffp.statesindex.org/rankings-2013-sortable>
16. The Maastricht Treaty. 1992. Режим доступа: <http://www.eurotreaties.com/maastrichtec.pdf>
17. Wade R. The Rising Inequality of World Income Distribution // Finance and Development. 2001. Vol. 38. № 4. С. 1 – 6
18. Williamson J. What Washington Means by Policy Reform // Latin American Adjustment: How Much Has Happened? Washington, D. C.: Institute for International Economics, 1990. С. 7 – 25.

Информация об авторе:

Мирошников Максим Сергеевич – аспирант кафедры мировой политики исторического факультета Томского государственного университета, miroshnikovmaxim@gmail.com.

Maksim S. Miroshnikov – post-graduate student at the Department of World Politics, National research Tomsk State University.

(Научный руководитель: **Тимошенко Алексей Георгиевич** – кандидат исторических наук, зав. кафедрой мировой политики Исторического факультета Томского государственного университета, tim@iph.tsu.ru).

Academic advisor: Alexey G. Timoshenko – Candidate of History, Head of the Department of World Politics, National Research Tomsk State University).

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.